

Я. Д. Коблов

**Мифология казанских
татар**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Я11

Я11 **Я. Д. Коблов**
Мифология казанских татар / Я. Д. Коблов – М.: Книга по Требованию, 2021. –
49 с.

ISBN 978-5-458-08649-3

Печатано по распоряжению г. попечителя казанского учебного округа.

ISBN 978-5-458-08649-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

смутное представленіе о баснословныхъ существахъ и повѣрьяхъ, и только старики да старухи продолжаютъ вѣрить въ ихъ существованіе. Да и они дѣлятся своими свѣдѣніями неохотно и нерѣдко съ оговорками: теперь уже этому не вѣрять, или напр. въ такомъ видѣ: теперь лѣшаго или водяного нѣтъ. Образованные изъ татаръ, главнымъ образомъ въ магометанскомъ духѣ, при разговорахъ о вопросахъ міеологіи обыкновенно заявляютъ, что вѣдь ничего этого нѣтъ, желая этимъ указать на несерьезность міеологическихъ преданій.

Трудность собирать свѣдѣнія изъ области татарской міеологіи единолично побудила меня обратиться за помощью въ этомъ дѣлѣ въ нѣкоторымъ лицамъ, близко стоящимъ къ народной татарской средѣ. Въ настоящее время я считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, которые оказали мнѣ то или иное содѣйствіе, а именно: священникамъ казанской епархіи о.о. Ляпидовскому и М. Чебешеву, мулламъ казанской губерніи Ф. М. Мухутдинову, Кяриму и Харису Маликовымъ, елабужскому муллѣ И. Хузяханову, мулламъ Бондюжскаго завода елабужскаго уѣзда Ш. Сюндукову, учителямъ русско-татарскихъ училищъ елабужскаго уѣзда М. Саваеву, А. Абдуллину, А. Мратову, К. Мратову, С. Исмагилову, К. Сахабитдинову, учителю мектеба тамбовской губерніи Латыфу Маликову, учителямъ народныхъ училищъ Э. Трофимову, Е. М. Медвѣдкову и Н. А. Туберовову. Путемъ сопоставленія, сравненія и провѣрки на мѣстахъ доставленнаго матеріала, а также путемъ свѣрки его съ статьей Абдуль-Каюма Насырова я, кажется, составилъ болѣе или менѣе правильное представленіе о народныхъ повѣрьяхъ казанскихъ татаръ, которое и излагаю ниже. Не могу въ заключеніе не высказать благодарности Н. Ѳ. Катанову, который обратилъ мое вниманіе на татарскую міеологію, какъ на очень интересный предметъ для изслѣдованія. Безъ этого совѣта или побужденія я колебался и сомнѣвался относительно значенія этого вопроса въ области этнографіи и потому откладывалъ это дѣло до неопредѣленнаго, во всякомъ случаѣ далекаго будущаго.

Соотвѣтственно характеру міеологическихъ представленій, они распределены мною на три части: 1) вѣрованія казанскихъ татаръ въ баснословныя (міеическія) существа; 2) повѣрья, ворожба и гаданія; 3) примѣты.

I.

Вѣрованія казанскихъ татаръ въ баснословныя существа.

Ой эясе (домовой).

Баснословныя существа, по вѣрованію казанскихъ татаръ, живутъ повсюду,—и въ домахъ, и въ полѣ, и въ лѣсу, и въ водѣ. Начнемъ описаніе ихъ съ существъ перваго разряда, живущихъ въ домахъ и во дворахъ, а потому ближе всѣхъ другихъ стоящихъ къ человѣку. Среди нихъ почетное мѣсто занимаетъ Ой эясе (домовой).

Ой эясе (хозяинъ дома, домовый) жилищемъ своимъ обыкновенно избираетъ подполье, откуда и выходитъ по ночамъ. Въ воображеніи татарина онъ рисуется старикомъ, носящимъ довольно длинныя волосы. Домовой заботливый хозяинъ и, по призванію татаръ, даже полезная тварь. Онъ оберегаетъ домъ, въ предчувствіи бѣды всю ночь ходитъ, беспокоится и вздыхаетъ. Если случится какое либо несчастье ночью, напр., пожаръ, а люди спятъ, онъ будитъ ихъ, трясетъ за ноги или стучитъ.

Обыкновенныя занятія домового слѣдующія: ночью онъ чешетъ голову; иногда съѣтъ рѣштомъ музу, это—признакъ хорошій, обѣщающій богатство; воетъ домовый не къ добру,—это означаетъ приближеніе бѣдности. Можно слышать иногда, какъ домовый прядетъ лентъ, но самого домового въ это время не бываетъ видно. Домовой прядетъ только ту пряжу, которая остается на прялкѣ неоконченной. Если кто нибудь послѣ него будетъ прядть эту пряжу, то непременно захвораетъ, поэтому лучше всего не оставлять на ночь пряжу на прялкѣ, или уже, если необходимо оставить, то только перекинуть ее спереди назадъ на прялку, и тогда домовый прядть не будетъ.

При хорошихъ отношеніяхъ домовый бываетъ благодушнымъ, заботливымъ хозяиномъ. Полезно его иногда умиловить. Чтобы умиловить домового, хозяинъ дома долженъ давать милостыню. Эта милостыня раздается обыкновенно въ „русскій“ воскресный день и носитъ названіе „авшамбе садавасы“.

Когда домовый гнѣвается, а хозяинъ не пытается ничѣмъ угодить ему, то съ обитателями дома могутъ происходить и несчастья, какъ то чесотка, чирьи и другія болѣзни; бываетъ и падежь скота, хотя въ послѣднемъ случаѣ дѣйствуетъ уже Абзаръ ясы, а непосредственно домовый имѣеть отношеніе только къ животнымъ, живущимъ въ домѣ, напр. къ кошкѣ. Въ особенности не правится домовому, когда кто либо мочится въ подполье;—въ этомъ случаѣ для его умилостивленія необходимо варить кашу, иначе не избѣжать опухоли и связанныхъ съ ней мучительныхъ болей. Не любитъ домовый, когда ему перечать. Напр., онъ имѣеть обыкновеніе заплетать волосы, бороду не только себѣ, но и живущимъ въ домѣ. Не нужно ихъ расплетать, пока сами не расплетутся. Если же заплетенные имъ волосы и бороду расплеть или, что еще хуже, отрѣжешь, то непременно или умрешь, или сдѣлаешься уродомъ, или привлечется какое нибудь другое несчастье.

При выдѣленіи части семейства для жительства въ новый домъ необходимо соблюсти по отношенію къ домовому нѣкоторые обряды, своего рода умилостивленіе его или прощаніе съ нимъ, чтобы жизнь въ новомъ домѣ была спокойной и благополучной. Вотъ что для этого дѣлаеть сынъ, отдѣляющійся отъ своего отца. Въ полночь онъ приходитъ съ хлѣбомъ въ домъ родителей, вонечно съ согласія послѣднихъ, и спускается въ подполье. Тамъ, зажегши три свѣчи, онъ беретъ нѣсколько земли, уноситъ ее домой и высыпаетъ въ подполье новаго дома. При этомъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы на пути никто не встрѣтился. Если кто нибудь встрѣтится, даже животное, то этотъ обрядъ становится бесполезнымъ и нужно изъ подполья вторично брать землю, чтобы достигнуть желаннаго результата,—счастливой и спокойной жизни въ новомъ домѣ.

Приведемъ разсказъ одного татарина дер. Балтачевой лаишевскаго уѣзда, казанской губ. о томъ, какъ онъ видѣлъ домового (Ой ясе).

„Однажды въ лунную ночь, проснувшись, я вижу предъ собою предметъ, похожій на человѣка. Я рѣшилъ, что это Ой ясе (домовой), и въ то же время постарался, чтобы онъ не замѣтилъ, что я не сплю. Домовой же въ эту минуту сидитъ себѣ сповоино на скамьѣ и прядетъ; звукъ веретена

слышенъ по всей комнатѣ. Онъ весь былъ бѣлый какъ полотно; голова у него была покрыта какъ будто длинными волосами, но черты лица я нивагъ не могъ разобрать, потому что онъ сидѣлъ ко мнѣ спиной. Потомъ домовою, должно быть, почувствовалъ, что я не сплю, быстро всталъ, взялъ свою прялку и скрылся за печкой“.

Другой рассказъ (его же).

„У насъ была бѣлая кошка, которой жилось хорошо и привольно. Послѣ нея мы завели черную, но сколько мы ее ни кормили, она всегда была худая. Мы постоянно удивлялись, почему у насъ кошка не поправляется, какъ бывшая бѣлая, потомъ начали догадываться, что ее навѣрное мучить домовою. И догадка эта оправдалась. Узналъ я объ этомъ такъ: разъ, возвращаясь съ поля, вхожу я въ избу и слышу, кто то шебаршитъ на печи; посмотрѣлъ я вездѣ, нѣтъ никого, а кошка вся измучена и лежитъ на полу. Это ее мучилъ домовою. Послѣ этого мы черную кошку отдали сосѣду, а сами завели опять бѣлую, и она у насъ была всегда сытая, жирная и веселая“.

Абзаръ эясе (хозяинъ хлѣвовъ).

Кромѣ хозяина дома—Ой эясе (домовой), по повѣрью казанскихъ татаръ, существуетъ еще Абзаръ эясе—хозяинъ хлѣва, обитающій на дворѣ или въ хлѣву. У русскихъ нѣтъ соответствующаго названія для Абзаръ эясе, такъ какъ, по рассказамъ русскихъ, обязанности послѣдняго несетъ тотъ же домовою, и у нихъ нѣтъ различія, какъ у татаръ, между домовымъ и хозяиномъ хлѣва. Это одно и то же существо.

По рассказамъ татаръ, Абзаръ эясе по преимуществу—властелинъ скота. Иногда Абзаръ эясе показывается людямъ въ образѣ чловѣка или животныхъ, но только издали и ночью. Къ свету онъ имѣетъ ближайшее отношеніе. У любимой лошади онъ заплетаетъ гриву, приноситъ ей кормъ. Лошадь, которую почему либо Абзаръ эясе не взлюбитъ, онъ всю ночь мучить, всю ночь на ней ѣздитъ, отнимаетъ у ней кормъ, который передаетъ любимой лошади. Такія лошади дѣлаются скучными, худыми; ихъ лучше скорѣе всего сбыть со двора, чтобы онѣ окончательно не погибли.

Вотъ что разсказалъ одинъ татаринъ о дѣйствіяхъ Абзаръ эясе. „Мы при отцѣ держали гнѣдыхъ лошадей. Лѣтъ черезъ восемь, по смерти отца, я одного гнѣдка зарѣзалъ, такъ какъ подъ старость онъ плохо работалъ, а вмѣсто него купилъ хорошую вороную лошадь. Но сколько ни кормилъ я эту новопкупку, она у насъ начала худѣть да худѣть. Грива у ней, какъ и у другихъ лошадей, была прекрасно завита при покупке, а теперь день ото дня развивалась и стала короткою. Черезъ годъ я продалъ эту лошадь уже только за полцѣны и купилъ другого гнѣдка, который пришелся во двору. Теперь я хорошо знаю, что на нашемъ дворѣ нельзя заводить скотины съ черною мастью—ни лошадей, ни коровъ, ни овецъ. Скотину съ черной мастью не любятъ Абзаръ эясе и губить ее.

Какъ и съ домовымъ, съ Абзаръ эясе нужно соблюдать хорошія отношенія, необходимо угождать ему и по временамъ умилостивлять его. Не любятъ особенно Абзаръ эясе, когда кто либо мочится въ колоду. Въ этомъ случаѣ, чтобы избѣжать бѣды, необходимо варить въ честь его кашу. Въ случаѣ сильнаго гнѣва Абзаръ эясе можетъ навести падежъ на скоть.

Б и ч у р а.

Бичура—это баснословное существо, то же, что у русскихъ евикмора или „сосѣдка“.

Бичура представляется татарину въ видѣ женщины—ростомъ отъ полутора до двухъ аршинъ; на голову у нея надѣтъ ирпакъ (старинный женскій татарскій головной уборъ).

Бичура живетъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ—на подволокахъ, въ подпольѣ и въ баняхъ, но не у всѣхъ, а только у нѣкоторыхъ хозяевъ. Нѣкоторые отводятъ для нея особую комнату, гдѣ ее поятъ и кормятъ. На ночь оставляется тарелка съ пищей и нѣсколько ложекъ. На утро въ тарелкѣ бичура ничего не оставляетъ, все съѣдаетъ. А если разсердится за что нибудь на хозяина, то разбиваетъ чашку, въ которой ей подается пища, и раскидаетъ все, что попадетъ ей подъ руку.

Бичура нерѣдко во снѣ давить человѣка, любитъ внезапно пугать его и вообще озорничаетъ надъ людьми. Вдругъ откуда ни возьмись, пролетитъ кирпичъ, полѣно. Кто бросилъ полѣно, не знаютъ. Изъ-за Бичуры иногда бросаютъ дома: жить бываетъ нельзя, особенно одинокимъ. По татарскимъ разсказамъ,

одинъ мулла просто измучился съ Бичурой: то валенкой въ него пустить, то подѣномъ съ печки, то кирпичемъ изъ-за печки, просто бѣда да и только. Что дѣлать? У муллы было ружье. Онъ зарядилъ его еще днемъ, а въ вечеру положилъ его съ собою на постель. Какъ только наступила полночь, прилетѣлъ съ печки кирпичъ, прямо на постель въ муллѣ. Мулла, не думая долго, схватилъ ружье и выстрѣлилъ прямо на печку. Сколько однако мулла ни стрѣлялъ, а толку было все мало: вальсви, ичиги, старая шапка, лучина такъ на муллу и сыпались. Вотъ однажды мулла лежитъ на постели и слышитъ голосъ съ печки: „Мулла, ты—человѣкъ грамотный, прочитай такую то молитву, тогда стрѣлай“. Мулла такъ и сдѣлалъ, прочиталъ молитву и выстрѣлилъ. Попалъ ли мулла въ Бичуру или нѣтъ,—неизвѣстно, но только послышался жалобный плачь съ печки. Съ той поры мулла спалъ спокойно: никто не швырялъ въ него всякую дрянью.

Какъ давить Бичура человѣка,—объ этомъ одинъ татаршъ передаетъ слѣдующій рассказъ, слышанный имъ отъ своего отца. „Въ 1863 г. мой отецъ служилъ мельникомъ на мельницѣ у помѣщика Юнусова близъ дер. Мордвы. Одинъ разъ часовъ въ 11 ночи онъ пришелъ съ мельницы въ рабочій домъ, въ которомъ спали двое рабочихъ—русскій мужикъ съ своимъ пятнадцатилѣтнимъ сыномъ. Ровно въ двѣнадцать часовъ, когда мой отецъ еще не уснулъ, вдругъ съ потолка падаетъ женщина, ростомъ не болѣе полтаршина, на головѣ у ней ирпакъ; она подходитъ къ ногамъ моего отца. Отецъ быстро толкнулъ ее ногой, она упала на полъ со стукомъ, какъ будто бы упала на полъ двухцудовая гиря. Спустя нѣсколько минутъ послѣ этого, вдругъ русскій мальчикъ началъ тяжело дышать и произносить во свѣ разные паясные звуки, какъ будто съ нимъ былъ кошмаръ или кто нибудь давилъ его. Несомнѣнно давила мальчика упавшая съ потолка Бичура. Когда отецъ разбудилъ мальчика, то онъ сказалъ, что его во свѣ кто то сильно давилъ“.

Но Бичура не только давить людей во свѣ и занимается озорствомъ, она иногда бываетъ очень полезна. Полезна она тѣмъ, что приноситъ хозяину дома деньги и многое другое, въ чемъ нуждается хозяинъ. У кого живетъ Бичура, тотъ нѣрѣдко богатѣетъ, и наоборотъ, по изгнаніи Бичуры, онъ становится бѣднымъ. Объ этомъ существуетъ слѣдующій рассказъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у увазнаго муллы деревни Кисы асты лаишевскаго уѣзда жила Бичура. Мулла богатѣль съ каждымъ днемъ. Денегъ и скота у него стало много. Скотъ былъ сытый и красивый. Оказалось, что Бичура приносила ему деньги ночью, воруя ихъ у сосѣдей, а лошадей кормила овсомъ изъ житницы сосѣдей. Когда мулла достаточно разбогатѣлъ, Бичура ему стала не нужна, надобла, и опъ рѣшилъ ее выпроводить изъ свосго дома. Для этого мулла привезъ изъ одной деревни татарку ворожею, которая бы нашептываніемъ удалила Бичуру. Какъ только ворожея вѣхала во дворъ, загорѣлись у муллы надворныя строенія. Поджога и неосторожнаго обращенія съ огнемъ при этомъ не было. Черезъ пять-шесть часовъ мулла остался нищимъ. Все у него сгорѣло: и домъ, и имущество, и скотъ. Дома сосѣдей уцѣлѣли.

Баснословныя существа, обитающія въ лѣсу и въ полѣ.

Шуряле (лѣшій).

Шуряле имѣеть жительство въ дремучихъ лѣсахъ. По виѣшнему виду онъ похожъ на человѣка; у него очень длинныя, крѣпкіе пальцы до трехъ вершковъ длины ¹⁾ и необычайно длинныя сосцы, которыя онъ закидываетъ черезъ плечо. По разсказамъ нѣкоторыхъ, Шуряле любятъ уводить человѣка въ самой глухой лѣсѣ, гдѣ нѣкоторые неопытные люди погибають. Послышится голосъ, какъ бы зовущій человѣка,—человѣкъ пойдетъ на этотъ голосъ, голосъ отдаляется, человекъ идетъ за нимъ все дальше и дальше и наконецъ заплутается. Такъ Шуряле заманиваетъ неопытныхъ людей въ себѣ. Впрочемъ двухъ человѣкъ или даже одного съ собакой Шуряле боится и нападетъ только на одинокихъ.

Показываются людямъ Шуряле большею частью весною и лѣтомъ во время восхода и захода солнца. При встрѣчѣ съ человекомъ Шуряле называется по имени, иногда притворяется сбившимся въ лѣсу съ дороги и просить о помощи.

¹⁾ Его пальцы нѣрѣдко находятъ въ известнякѣ: татары обращаютъ ихъ въ лѣкарство, растирая въ порошокъ и посыпая этимъ порошокомъ раны. У русскихъ они называются чертовыми пальцами.

Иногда плачетъ, а иногда весело разговариваетъ и смѣется, такъ что кого угодно можетъ расположить въ свою пользу.

На вопросы Шурыле нивогда не отвѣчаетъ, но самъ любить спрашивать. Никогда не слѣдуетъ ему показывать зубы во рту. Какъ только Шурыле увидитъ зубы у человѣка, начинаетъ его щекотать и щечочетъ до смерти.

Имѣя длинные, крѣпкіе, какъ бы оловянные пальцы, Шурыле очень любитъ это занятіе — щекотать людей. Немало людей и животныхъ погибло отъ щекотанья Шурыле. Каждому встрѣчному Шурыле предлагаетъ играть въ вытыкылы-мытыкылы (щекотку). Увидитъ человѣка, бѣжитъ за нимъ и еще издали кричитъ: вытый-вытый уйныйы, — давай въ щекотку играть. Игра эта — очень опасная. Сколько бы человѣкъ ни кричалъ, ни умолялъ о пощадѣ, Шурыле не перестанетъ его щекотать до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не умретъ.

Умудренные опытомъ люди говорятъ, что для спасенія отъ Шурыле нужно бѣжать къ ручью или рѣкѣ и перескочить черезъ нее. Шурыле боится воды и, не имѣя возможности перейти ручей или рѣчку, спрашиваетъ: „гдѣ начало рѣчки?“ Нужно показывать ему не начало рѣки, а низъ. Шурыле, желая найти начало рѣки, бросится бѣжать по берегу внизъ по теченію, дойдетъ до моря и вынужденъ бываетъ возвратиться ни съ чѣмъ. Если-же ему показать правильно начало рѣки, онъ быстро обѣжитъ кругомъ нея и, поймавъ человѣка, защеочетъ его до смерти.

Нѣкоторые прибѣгаютъ къ хитрости такого рода. Встрѣвившись съ Шурыле, предлагаютъ ему играть въ щель. Шурыле соглашается. Тогда татаринъ ударомъ топора дѣлаетъ рѣзъ деревѣ щель и вставляетъ въ нее клинъ. Шурыле просунетъ палецъ въ щель и прищемитъ его деревомъ, если во время выхватить клинъ. Въ этихъ случаяхъ татаринъ обыкновенно называетъ себя именемъ „былтыръ кысты“ (прошлый годъ ущемилъ). Когда Шурыле завопитъ отъ боли, то онъ будетъ кричать: былтыръ кысты. Сбѣжавшіеся товарищи не поймутъ его и будутъ смѣяться надъ нимъ, потому что прошлый годъ уже прошелъ. Тѣмъ временемъ скрывшійся татаринъ успеетъ убѣжать домой.

Шурыле — большой любитель ѣздить на хорошихъ лошадяхъ. Если на оупшевѣ лѣса пасется табунъ лошадей, Шуры-

де непременно выберетъ самаго хорошаго воня и скачетъ на немъ до тѣхъ поръ, пока конь не издохнетъ. Когда лошадь съ поля возвращается потная, это значитъ—навѣрное на ней ѣздилъ Шуряле. Для того, чтобы отучить Шуряле мучить лошадей, нужно помазать лошади спину смолой. Шуряле сядетъ на нее, не можетъ оторваться отъ смолы и прѣзжаетъ въ деревню. Такъ изловили многихъ Шуряле, при этомъ однихъ сожгли въ банѣ или на кострѣ, другихъ умертвили палками. Но жителей такихъ деревень постигаетъ проклятіе Шуряле. Число дворовъ послѣ умерщвленія Шуряле не увеличивается, и жители влчатъ жалкое существованіе.

Вотъ нѣсколько рассказовъ о гибели Шуряле и о послѣдствіяхъ этого для лицъ, погубившихъ его. Жители одного починка, находившагося вблизи лѣса, много потерпѣвъ отъ нападений Шуряле на ихъ лошадей, ухитрились поймать его. Они намазали спину самаго хорошаго воня смолой и пустили въ табунъ. Къ вечеру видятъ, что на этомъ самомъ конѣ, сломя голову, скачетъ женщина (Шуряле). Конь, чуя на себѣ незнакомаго и страннаго всадника, полнымъ ходомъ прискакалъ прямо въ починокъ. Сбѣжалась вся деревня посмотреть на это чудовище. Шуряле сидѣлъ на лошади лицомъ назадъ и все ревѣлъ. На немъ не было никакого платья, голова маленькая, волосы короткіе, глаза большіе, груди какъ у женщины, висѣли черезъ плечо. На вопросы онъ не отвѣчалъ, а только ревѣлъ: бытырь кысты (прошлый годъ прищемилъ).

При видѣ такого всадника сначала всѣ удивлялись и не знали, какъ съ нимъ поступить. Но затѣмъ, порѣшивъ на сходѣ, сожгли его на кострѣ. Предъ казнью Шуряле жалостно просилъ ихъ отпустить его, но они не исполнили его просьбы. За это Шуряле ихъ проклялъ. Жители этого починка теперь живутъ очень бѣдно. Число дворовъ не превышаетъ пятнадцати. Никто не имѣетъ двухъ изобъ или стараго хлѣба. Что только ни заработаютъ, все до копѣйки пропиваютъ. Живутъ, не думая о завтрашнемъ днѣ и о дальнѣйшемъ существованіи. По ихъ же объясненію живется имъ такъ плохо потому, что ихъ прадеды казнили Шуряле, а Шуряле предъ казнью проклялъ ихъ самихъ и ихъ потомство. И вотъ теперь Богъ ихъ наказываетъ по просьбѣ Шуряле.

По рассказу въ другой вариаци, жители деревни, поймавъ Шуряле, долго не могли съ нимъ справиться. Цѣлымъ

обществомъ они начали его бить, но убить до смерти никакъ не могли его. Тогда они бросили Шураде съ врутой горы, но онъ безъ всякаго вреда для себя скатился внизъ сидя, поднявши ноги вверху. Его опять поймали, привязали въ дереву и уже тогда сожгли. Послѣ этого въ той деревнѣ постоянно бывають пожары и ни въ чемъ нѣтъ прибыли. Лошадь послѣ сожженія Шураде пропала.

Разсказовъ, подобныхъ приведеннымъ, очень много. Во всѣхъ этихъ разсказахъ однообразно передается о способѣ изловленія Шураде, о его гибели; о провлятіи погубившихъ его и о послѣдующихъ несчастіяхъ съ жителями деревни, такъ что, когда татары видятъ захудалую маленькую деревню, то обыкновенно говорятъ: „Шураде каргаган“,—Шураде проклялъ.

А вотъ разсказъ одного татарина о томъ, какъ Шураде завелъ его дѣда въ самую глушь лѣса.

„Пошелъ мой дѣдъ однажды въ лѣсъ работать. Лѣсъ тогда былъ не такой какъ теперь, а очень большой и густой. Когда онъ работалъ тамъ, ему послышался голосъ, который звалъ его къ себѣ. Дѣдъ мой былъ человѣкъ небоязливый и пошелъ на голосъ. Шелъ, шелъ, а голосъ какъ бы все дальше уходилъ въ глубь лѣса. Начало уже смеркаться, дѣдъ хотѣлъ поворотить домой, да не тутъ то было: идетъ, идетъ, а придетъ какъ будто на старое мѣсто. Тамъ дѣдъ пропуталъ всю ночь, а изъ лѣсу все же не вышелъ. Вышелъ изъ лѣсу дѣдъ только въ полдень и то не въ своей деревни, а совершенно въ противоположную сторону—къ вотьямъ, верстъ за пятнадцать отъ нашей деревни.

Когда наступила ночь, а моего дѣда все еще не было дома, отецъ его и мать стали тревожиться. Собрали родныхъ и сосѣдей и отправились въ лѣсъ за дѣдомъ. Пришли въ лѣсъ, нашли то мѣсто, гдѣ работалъ дѣдъ, а его нѣтъ. Стали кричать—не отеливается, искать—нигдѣ нѣтъ. Порѣшили, что дѣдъ ушелъ въ сосѣдную деревню къ роднѣ въ гости, и воротились домой. Но мать дѣда не успокоилась, а заставила утромъ мужа сходить къ муллѣ, чтобы онъ помолился Богу за сына, и при этомъ обѣщала Богу жертву, чтобы Богъ избавилъ ихъ сына отъ шайтана. Какъ только мулла помолился Богу, пришелъ и мой дѣдъ домой—тощій, даже какъ будто больной. Весь день дѣдъ спалъ, только на другой день